

Короткометражный социальный фильм «Цени». Ссылка: https://youtu.be/ln9_ZOcOp3o. Автор: Алена Рыпалева, киношкола «Арена-кино» (Россия). Год выпуска: 2017. Продолжительность: 10:01. Фильм об ошибках молодости и невозможности повернуть время вспять.

Игрушка. Ссылка: <https://youtu.be/DoOyFUNPCyк>. Автор: Даниил Аристов (Россия). Год выпуска: 2019. Продолжительность: 6:18. Авторы фильма призывают зрителей, прежде чем играть в семью, убедиться, что это все по-настоящему.

Практически все рекомендованные для просмотра и обсуждения с учащимися ролики являются победителями престижных конкурсов и фестивалей. Например, короткометражка «Пятый лепесток» заняла третье место на VI Международном фестивале короткометражных фильмов в защиту жизни и семьи «Ладошка». Фильм «Дед. Несказочная Новогодняя история» признан лучшим на международном фестивале кино и анимации «Видение», завоевал третью премию на международном кинофестивале «Ранок».

ПРОВЕДЕНИЕ АНТИЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКИ В Г. ГОМЕЛЕ В 1920-Е ГОДЫ

Грищенко И.А., Юрис С.А., УО ГГТУ имени П.О. Сухого

В послеоктябрьский период большевикам будущее религии представлялось как естественный процесс угасания. Предполагалась, что в достаточно короткий исторический период, она исчезнет из жизни людей, равно как и религиозные организации.

В первые годы советской власти атеистическая пропаганда и антирелигиозная деятельность органов власти отличалась агрессивностью. Дождаться объявленной скорой кончины религии и церкви новое советское государство не стало: в январе 1918 г. издан декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Все имущество религиозных обществ подлежало огосударствлению. Под лозунгом национализации проводилось изъятие храмов, молитвенных домов, монастырских зданий, обрядового имущества, земель. Церковь теряла права юридического лица. Преподавание религии в учебных заведениях запрещалось [1, с. 373–374].

В мае 1918 г., с создания особого 8-го отдела НКЮ РСФСР, началась подготовка к изъятию церковных ценностей. Данная структура учреждалась для разъяснения и положений советского законодательства в отношении религиозных организаций, для оказания консультативной помощи губернским и уездным ликвидационным отделам.

Первым документом 8-го отдела НКЮ было Постановление от 24 августа 1918 г., в котором разъяснялись положения Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Согласно Постановлению НКЮ все храмы и молитвенные дома, находившиеся в ведении РПЦ объявлялись народным достоянием и переходили в хозяйственное ведение местных Советов рабочих и крестьянских депутатов.

Для проведения богослужений теперь уже в национализированном храме община верующих должна была заключить соглашение с местным Советом о передаче ей в пользование храма с богослужебной утварью. Договор со стороны общины заключала «двадцатка» – группа прихожан храма в количестве 20 человек. Без согласования с органами местной власти не допускались религиозные шествия, был запрещен колокольный звон. Приход также брал обязательство не проводить антисоветских собраний.

В годы нэпа стали допускаться дискуссии на религиозные темы, но линия на уничтожение церкви проводилась неукоснительно. В 1922 г. последовала очередная волна изъятия церковных ценностей.

26 апреля 1922 г. процесс изъятия церковных ценностей в православных храмах начался с Петропавловского собора г. Гомеля. Все конфискованные церковные ценности хранились в губфинотделе. В телеграмме председателя Комиссии по изъятию церковных ценностей Гомельской губернии Федяева заместителю уполномоченного СНК по учету и сосредоточению ценностей Г. Д. Базилевичу 30 апреля 1922 г. сообщалось, что изъятие протекало спокойно, за исключением двух железнодорожных храмов. В Успенской и Николаевской церквях женщины, пришедшие с детьми, пытались сорвать работу, но изъятие «умелым обращением и принятыми мерами охраны удалось безболезненно произвести». Доверять данному документу полностью в описании спокойствия при конфискации церковного имущества не представляется возможным, так как далее в телеграмме указывается, что «работа проводилась тактично и выдержанно, религиозные чувства верующих комиссией, безусловно, не затрагивались». Оставлено было лишь по одному прибору престольных принадлежностей, без коих невозможно совершение богослужения, остальное (ризы с икон, камни и другие ценности) было изъято. Верующие большинства храмов ходатайствовали о замене священных сосудов на другие равноценные предметы. Комиссия не пошла навстречу пожеланиям верующих; она опасалась, что у тех хватит средств на выкуп церковных предметов. Комиссия просила распоряжения об отправке конфискованного в Москву, чтобы лишить верующих надежды на возврат изъятых вещей [2, л. 139].

Реакция населения на изъятие церковных ценностей, в отчетах партийных органов характеризуется по-разному. В обзоре деятельности Гомельского Губкома РКП(б) с апреля по сентябрь 1922 г. отмечается, что кампания «прошла успешно, без особых инцидентов». Однако встречаются и противоположные оценки. Так, в информационном отчете Гомельского Губкома РКП(б) за апрель 1922 г. указано, что при изъятии ценностей в Гомельском костеле и в Залинейном районе имели место некоторые волнения [3, л. 63].

Материалы ГПУ позволяют дополнить эту картину. В зашифрованной телеграмме Гомельского отдела ГПУ от 21 апреля 1922 г. сообщалось, что в связи с изъятиями в Гомеле «задержано девять человек крикунов», но в конечном итоге большинство из них было освобождено. «Три человека заключены под стражу. Ведется следствие. Дело будет передано в Ревтрибунал. Отдельными лицами ведется агитация, что ценности попадут не по назначению, а комиссарам» [4, с. 169].

Трагедию Русской Православной Церкви в ранний советский период усугубил обновленческий раскол 1920-х гг., инспирированный ВЧК-ОГПУ с целью подрыва церкви изнутри и дискредитации духовенства в глазах верующих. Задуманная обновленцами 1920-х гг. реформа, толкала Церковь в государственную кабалу, в зависимость от атеистического государства.

О том, какие задачи ставились перед обновленцами советскими спецслужбами, говорит факт подготовки показательного суда над патриархом Тихоном (Белавиным). 29 апреля 1923 г. II обновленческий «Поместный Собор» в храме Христа Спасителя в Москве объявил об извержении патриарха Тихона из сана и лишении его монашества. Партийное руководство подчеркивало: «Мы осудили Тихона не как патриарха, не как священника, а как политического преступника, контрреволюционера, как врага рабоче-крестьянской власти. Решение собора должно показать, что все обвинения по нашему адресу в том, что мы притесняем религию, преследуем духовенство есть сплошная клевета». В то же время в партийных циркулярах отмечалось, что покровительствовать «новой церкви» власть не собирается, несмотря на то что она перестала быть контрреволюционной и осудила патриарха, назвав себя «Живой Церковью», однако «все равно является носителем религиозного дурмана» [5, л. 55]. Последующие репрессивные меры, предпринятые как против сторонников патриаршей

Церкви, так и против раскольников свидетельствуют о том, что большевистское руководство вообще не собиралось идейно сотрудничать с какой-либо церковью.

В обновленчество уклонились, за редким исключением, все гомельские священники. Так, протоиерей Павел Гинтовт примкнул к «Живой церкви», позже к группе «Союз общин Древлеапостольской Церкви» и стал одним из руководителей обновленческого движения на Гомельщине в 1922–1924 гг., но, разобравшись в сути обновленчества, энергично боролся с последствиями раскола. В 1933 г. за бескомпромиссную позицию в отношении обновленчества протоиерей Павел Гинтовт был расстрелян [6, с. 86].

Клирики Николаевской церкви г. Гомеля – Владимир Зубарев, Петр Рылло – также оказались среди тех, кто первоначально поддержал обновленчество [6, с. 89, 104]. Из дела о закрытии военной Георгиевской церкви в Гомеле известно, что в 1923 г. настоятель Николаевской церкви протоиерей Петр Рылло был уполномоченным ВЦУ (обновленческое Высшее Церковное Управление) по Гомельской епархии [7, л. 42]. Сам же настоятель Николаевской церкви Петр Рылло себя идейным сторонником «Живой церкви» не считал.

В апреле 1925 г. в Гомель прибыл новый епископ Тихон (Шарапов), посланный патриархом Тихоном для борьбы с обновленчеством. Вскоре в Москву от гомельских органов власти в ОГПУ поступило следующее секретное донесение: «...епископ Тихон своими действиями окончательно ликвидирует оставшиеся еще в Гомельской губернии обновленческие приходы, каковых еще имеется до 25 по губернии. Так как в каждом обновленческом приходе есть некоторая часть мирян, стоящих за тихоновщину, и стоит епископу Тихону появиться – через часа 2–3 он уже повел за собой остальных мирян, которые заставляют попа повиноваться епископу Тихону, в противном случае отлучают от церкви. В случае замедления ответа будем принуждены прибегнуть к аресту его...» [8, с. 59]. В протоколе совещания АПО Гомельского губкома по вопросам антирелигиозной пропаганды от 23 января 1926 г. отмечалось, что своей антиобновленческой деятельностью епископ Тихон восстановил против себя часть духовенства, но укрепил свой авторитет в глазах верующих [9, л. 75].

В итоге обновленчество деградировало как модернистский проект радикально настроенного духовенства и провалилось как провокационный проект ОГПУ. Единство РПЦ удалось сохранить, хотя и ценой огромных потерь в условиях беспрецедентных репрессий в отношении духовенства и верующих.

Отмечающиеся случаи активности прихожан Николаевской церкви в 1929 г. относительно перехода к обновленцам вызваны беспокойством из-за намеченного органами власти закрытия храма. Обновленческий архиепископ Досифей (Степанов) сообщил 17 января 1929 г. Гомельскому административному отделу, что его посетили представители Николаевской церкви, «которые изъявляют желание войти в его ведение, то есть признать себя обновленцами, лишь бы спасти церковь от закрытия». Архиепископ ходатайствовал перед властями о приостановке закрытия церкви и ее передаче в его ведение. На обращении архиепископа стояла резолюция «Отказать» [10, л. 3].

Сворачивание нэпа, начало индустриализации и коллективизации ускорили процесс закрытия храмов, а репрессии в отношении верующих пошли по нарастающей. Если в начале 1920-х гг. Гомельский исполком отмечал низкие темпы закрытия храмов, то с 1928–1929 гг. они значительно увеличились. По официальным данным на 1929 г. в Гомельском округе насчитывалось 93 православных церкви. Больше всего в Комаринском районе – 8, Уваровичском – 9, Лоевском – 10, Брагинском – 10, Гомельском – 13, Речицком – 19, Ветковском – 21. В г. Гомеле – 4 церкви [10, л. 41]. В течение десяти последующих лет все храмы в Гомельской области были закрыты.

Литература и источники

1. Декреты Советской власти. Том I / Под ред. Н. Лебедева. – М. : Гос. Изд-во политической литературы, 1957. – 640 с.

2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-1235. – Оп. 140. – Д. 59 Комиссия по драгоценностям (1921–1922). Телеграмма И.Ф. Федяева Г. Д. Базилевичу.
3. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 860.
4. Лебедев, А. Д. Изъятие церковных ценностей в католических костелах Гомельской губернии в 1922 г. // А. Д. Лебедев // Региональная научная конференция Первые Машеровские чтения, Витебск, 5 мая 2005 г. – Витебск, 2005. – С. 169–171.
5. ГАООГО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 338. Циркуляры ЦК, губкома. 1923 г.
6. Слесарев, А. В. Мартиролог Гомельской епархии (1917–1953): биографический справочник / авт.-сост. А. В. Слесарев. – Жировичи : Издательство Минской духовной академии, 2017. – 339 с.
7. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 30. Переписка с губисполкомом и отделениями милиции о закрытии молитвенных домов. 1923–1925 гг.
8. Косик, О. В. Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х годов) / О. В. Косик. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2011. – 280 с.
9. ГАООГО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 818. Переписка укома ВКП(б) с партийными и советскими органами. 1925–1926 гг.
10. ГАГО. – Ф. 161. – Оп. 1. – Д. 176. Материалы о регистрации религиозных обществ по Гомельскому округу. 1928–1929 гг.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945

Груша И.В., ГУО «Гимназия г. Ганцевичи»

*«Сущность всякой веры состоит в том,
что она придаёт жизни такой смысл,
который не уничтожается смертью».*

Л.Н. Толстой

Православие на землях восточных славян было принято в 988 году. Это значит, что данная религия с конца X века формирует мировоззрение славянского народа, культурные традиции и образ жизни, регулирует человеческие отношения в семье, определяет отношение людей к государству, людям. Православная Церковь объединяет народ в будни и в праздники, в годы испытаний, лишений, скорби и в годы великих созиданий и духовного возрождения. У любого народа идеи государственного устройства, общественные, гражданские, национальные идеалы неразрывно связываются с идеалами духовно-нравственными.

Православный народ всегда добр, справедлив и терпелив. Основная роль православной религии – это сплочение и единение общества. Перед революцией 1917 г. и Гражданской войной Православная Российская Церковь (так она официально называлась в то время) представляла собой крупнейшую религиозную организацию Российской империи, фактически неотделимую от государственно-бюрократической машины страны. По данным публициста Дмитрия Соколова, которые опубликованы в его работе «Русская Православная Церковь в период гонений», к 1917 г. в России насчитывалось 117 миллионов православных, проживавших в 73 епархиях. В 1914 г. церковь имела 54 174 храма со штатом более 100 000 священников, диаконов и псаломщиков, в число которых входили три митрополита, 129 епископов и 31 архиепископ [1].

В первый же день войны Русская Православная Церковь в лице местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского) проявила мужество и стойкость, обнаружила способность ободрить и поддержать народ в тяжелое военное время. «Покров